

Девятая жизнь

Виктория Яровая

16+

Виктория Яровая

Девятая жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Яровая В.

Девятая жизнь / В. Яровая — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Она так устала влачить жалкое существование в шкуре кошки. И пусть она это заслужила, но как же хочется снова стать человеком! Жить полной жизнью, чувствовать себя молодой и влюбиться всем сердцем. Но с каждым прожитым днем ее шансы спастись стремительно тают, а в душе поселилось отчаяние... Он любит жизнь и готов бороться за каждый прожитый день, но тот все равно может стать для него последним. Они были обречены, но судьба даровала им шанс на новую жизнь. Теперь выбор только за ними. Смогут ли они не упустить его?

Переулочек был грязный и пах просто невыносимо. Талый весенний снег смешивался с нечистотами, которые выбрасывали прямо из окон домов. Они соединялись в конце переулочка, образуя тупик, из которого не было выхода. Сюда не заглядывало утреннее солнце, которое светило ярко, но еще совсем не давало тепла. Пройдет не так много времени, когда оно сможет прогреть своими лучами стылую землю, и тогда всем станет легче. Снова зазеленеют поля, проснутся леса и появится надежда. Надежда на новую жизнь, надежда на то, что дожди смоют кровь, а земля залечит раны и поглотит память о войне. И вновь луга застелют полевые цветы и реки наполнятся водой. Весна вдохнет веру в лучшее во всех отчаявшихся. Но не в меня. Уже слишком поздно, мой путь завершен. Жалею ли я об этом? Не знаю. Я просто устала и хочу, чтобы все поскорее прекратилось. Это моя последняя жизнь, девятая, и сейчас я просто жду, когда она закончится.

Мои лапы полностью погружены в стылую грязь. Холод пробирает до костей, но я к нему привыкла. Грязная, сбившаяся в колтуны шерсть почти не дает тепла, кое-где на боках виднеются свежие шрамы и запекшаяся кровь. Хрупкое и очень худое тельце не скрывают жалкие остатки моей, когда-то чудесной, серой шерсти. И только ярко-синие глаза горят огнем, это я знаю точно. Видела их много раз, проходя мимо луж. Я столько раз умирала, но все равно не смогла к этому привыкнуть, и сейчас, глядя на то, как ко мне медленно приближается моя последняя смерть, так же боялась, но усталость брала свое. Я устала жить и устала умирать раз за разом. Я честно отбыла свое наказание. Наказание за самый тяжкий грех, который я не смогу забыть никогда.

Убийство, которое тяжелым камнем лежит на моей душе. У меня было время подумать. Три года. Три года скитаний, холода и голода в разрушенных городах, опустевших лесах королевства, глубоко завязшего в бессмысленной войне, на которой гибло все: люди, деревни, города, леса и поля. Войне, на которой все превращается в прах, на которой люди становятся зверями. Был ли у меня выбор? Да, был. Выбор есть всегда. И я сделала свой. И снова поступила бы точно так же, даже зная, чем это для меня закончится. Тот солдат был не достоин жизни. Это был уже не человек, а обезумевшее от войны животное, которое не могло понять того, что война уже закончилась. Ему было все равно: своя это или вражеская деревня, взрослая это женщина или совсем юная девочка. Он везде видел только свою добычу.

Когда крошечный отряд солдат и магов пришел в нашу деревню, они больше походили на жалких оборванных разбойников, чем на доблестное войско. Но в деревне их встретили радостно и предложили все самое лучшее, хотя уже несколько лет деревня еле выживала. Там были солдаты, в которых еще осталась человечность, но были и те, кто посчитал, что они могут взять силой то, что им не предложили добровольно. Я защищала сестру, и в тот момент, когда насмерть забивала кочергой того солдата, не испытывала ни жалости, ни страха. Перед глазами стояла младшая сестренка в разорванном платье и наша совсем уже старенькая бабушка, которая лежала на полу без сознания. Успела! И только эта мысль грела меня потом, когда я стояла в заляпанном кровью платье перед двумя магами, которые сопровождали отряд. Меня судили. Судили быстро, по-военному, и должны были повесить сразу же, на глазах у всей деревни. Но один из магов, смотревший на меня с сочувствием, вступился и решил наказать так, как наказывали тех, кому хотели дать шанс на искупление. На глазах у заплаканной сестренки и бабушки, которая, казалось, согнулась еще больше, меня превратили в кошку и дали девять жизней. И я обязана прожить их все до конца, и только если кто-то добровольно будет готов отдать за меня свою жизнь, мое наказание закончится, и я снова стану человеком.

Этот приговор был сродни смертельному, только отложенный во времени и более мучительный. Кому нужна была кошка в разрушенном мире? Здесь даже дети были никому не нужны, а тут кошка! А шанс найти того, кто пожертвует своей жизнью за эту самую кошку, просто ничтожен. Вернее, его нет. Это я поняла сразу. Лучше бы меня повесили. Так думали и многие солдаты. Поэтому, как только приговор вступил в силу и я оказалась на земле на

четырёх лапах, они меня схватили. В полной растерянности я даже не успела ничего сделать. Это была моя самая первая и самая мучительная смерть. Они били меня сапогами, вырывали шерсть, ломали хвост, а я могла только жалобно мяукать и смотреть, как староста деревни держит мою сестренку, которая вырывается и бьется в его руках, пытаясь добраться до меня.

Меня спас тот самый маг. Он вернулся, когда увидел, что делают солдаты, и щелчком пальцев свернул мне шею. Очнувшись я уже на улице какого-то города и все следующие года скиталась, питаясь объедками и живя на чердаках или в подвалах. Периодически я умирала от холода или голода, дважды меня загрызли собаки, а я отсчитывала оставшиеся жизни и ждала последнюю, девятую. За все годы я не видела ласки от людей. Сначала я пыталась быть к ним поближе в надежде, что кто-то сжалится и возьмет меня к себе. Но после пустых равнодушных взглядов проходящих мимо людей и пинков сапогами я потеряла всякую надежду и веру в то, что они мне помогут.

И вот сейчас я стояла на дрожащих лапах и смотрела в глаза своей последней смерти. Наконец-то. Я так устала. Мне не впервой быть задранной собаками, это не худшая смерть, главное – не сопротивляться и сразу подставить шею. Пес, который нашел меня в этом переулке, был огромным. Я смотрела в его раскрытую пасть с огромными клыками, с которых капала слюна, и думала, что такой пастью он сразу задушит меня и мне не придется мучиться. Покорно опустила голову и стала ждать. Страх и чувство неминуемого конца заставили мое маленькое тельце оцепенеть. А пес не спешил приближаться, я слышала его тихий рык и чувствовала, как воняет его мокрая грязная шерсть. “Ну, давай же! Чего ты ждешь?” – с отчаянием думала я про себя.

И вдруг услышала глухой удар, громкий скулеж и следом раскатистый голос прорычал:
– А ну пошел отсюда!

И снова удар и скулеж. Я подняла мордочку. Рядом со мной стоял мужчина. Выглядел он жутко и снизу казался просто огромным. Он смотрел на меня, чуть наклонив голову, а я могла хорошо видеть только его огромные грязные сапоги. Он присел на корточки прямо передо мной, и я смогла увидеть его глаза. Они прятались за кустистыми бровями и прядками отросших черных волос. Их чистый серый цвет манил и светился чем-то притягательным. Большая часть его лица заросла черной густой бородой и усами. Над ними были видны широкий, слегка приплюснутый нос и худые впалые щеки. На щеках и лбу виднелись язвы, которые слегка затянулись и покрылись тонкой корочкой. Выглядели они отталкивающе. На руках, которые он протянул ко мне, были такие же язвы, и они портили красивые и когда-то сильные руки. Пальцы были худые и длинные, и я смотрела, как они медленно приближаются ко мне.

Я не знала, что делать: остаться стоять или броситься бежать. Весь вид мужчины вызывал отвращение. На нем была хоть и чистая, но сильно поношенная одежда, неопрятные волосы и борода, еще и эти язвы. Ничего хорошего ждать от него не стоило, меня уже один раз отлавливали для того, чтобы положить в суп, и это до сих пор вызывало приступ тошноты. Но эти глаза завораживали, ласкали. В них читалось сочувствие, и так хотелось поверить, что ему не все равно. Наверное, в тот момент мне окончательно надоело бороться, и я решила отдаться судьбе. Поэтому, когда его руки приблизились и подхватили меня, я не сопротивлялась. Он держал меня на весу и смотрел в мои глаза, а я не могла оторвать взгляд от его глаз. В них можно было смотреть бесконечно долго. Смотреть, как сужается и расширяется его зрачок, и от этого меняется оттенок радужки, то светлея, как начищенное серебро, то темнея, как грозовое облако.

– Пойдем домой, – сказал он негромко, и мне показалось, что я услышала теплоту в его словах.

Несмотря на то, что я была грязной, он засунул меня за пазуху своего тулупа, перевязанного кушаком, и двинулся на выход из переулка. А я замерла от обилия запахов, обрушившихся на меня. Здесь пахло мужским потом, горькой полынью, хвоей и свежим хлебом. Запах дурма-

нил, и у меня закружилась голова. Как давно я не чувствовала запах человека. А этот мужчина пах слишком сильно, слишком непривычно и так притягательно. Зачем он меня взял? Я так боялась надеяться на что-то хорошее и отчаянно отгоняла от себя эти надежды. Но маленькие червячки сомнения прогрызались сквозь мою стену, которую я возводила все эти годы. А вдруг это он? Вдруг я еще смогу вернуться? Может, его поступок будет считаться как мое спасение? Нет ничего хуже надежды там, где ее точно не может быть. Когда чувства зывают верить, а разум твердит, что это невозможно. Это самое ужасное наказание. Тот, кто придумал эту расплату, знал толк в том, как заставить человека страдать. Мне нельзя надеяться и лучше смириться. Нужно просто все поскорее закончить.

Я высунула мордочку в ворот тулупа и вдохнула свежий воздух. Мы выходили из города и направлялись в сторону леса. Мой спаситель шел быстрым широким шагом и уже вскоре уверенно пробирался по заросшему лесу. Ветки елей нависали и так и норовили ударить его по лицу. Увидев, что я высунула мордочку, он легонько подтолкнул меня обратно и сказал:

– Полезай назад, нам еще долго идти, отдохни.

И я послушалась. Решив, что ничего не теряю, я уютно устроилась у него за пазухой. Я слушала его дыхание, сиплое, с надрывом. Мой слух улавливал в его груди kloкочущие звуки. Тепло и мерная качка от его уверенных шагов меня успокаивали, и я задремала. Видимо, шли мы долго, так как, когда я в очередной раз высунулась наружу, уже начинало смеркаться. Вскоре вдаль блеснула поверхность крошечной лесной ламбушки, чуть в стороне от которой стояла изба. Она была небольшая и низкая. На крыше рос дерн и виднелась каменная труба. Сруб был свежий, было видно, что эту избу ставили недавно – две или три весны назад. Вокруг виднелись какие-то низенькие постройки и частокол.

– Вот мы и дома, – проговорил он, поглаживая меня одним пальцем по лбу.

Я замерла. Как приятно, оказывается, даже такая мимолетная ласка. Как же хотелось, чтобы он еще раз погладил, и я с большим усилием погасила в себе желание потереться о его руку и попросить еще. Нельзя привыкать.

Мы вошли в избу. Большая печка с открытым очагом, стол, лавка и топчан у печи. На полу солома. Одно маленькое окошко, закрытое ставнями и заколоченное на зиму. Вот и все убранство. Он вытащил меня из моего уже насиженного места и опустил на пол. От усталости и голода ноги меня не держали, и я завалилась на пол. Он аккуратно поднял меня на ладони и отнес на топчан.

– Полежи немного здесь, сейчас я натоплю печь и подою козу, будет тебе молочко, – сказал он, направляясь к выходу.

Он говорил, вроде обращаясь ко мне, но казалось, что он разговаривает сам с собой. Так говорят люди, которые долго живут одни. Наверное, если бы все эти годы я могла говорить, то тоже разговаривала бы таким образом. Стало жалко его: живет здесь один, в глуши, как прокаженный. А может, прокаженный и есть? Да какая мне разница? Как будто я в лучшем положении, чем он? Но я уже скоро освобожусь; больше не буду ждать и надеяться, как делала это в первые свои жизни. Ждать нечего. Мое время пришло, нужно только еще совсем чуть-чуть подождать. И, делая над собой невероятное усилие, я спрыгнула с топчана и направилась к печке. Забилась в самый темный угол за ней и легла. Уйти дальше сил у меня не хватило. Пусть простит меня этот странный мужчина за то, что ему придется лезть потом сюда и убирать мое бездыханное тельце.

Я слышала, как он вернулся: загремели дрова, упав на пол. Звякнул котелок. Потом он прошелся по избе и заглянул ко мне в убежище.

– Вот ты где! – кажется, даже с облегчением сказал он. – Ну хорошо, посиди там, если тебе так удобней. Сейчас натоплю печку, станет теплее.

И он ушел, а я только по звукам могла определить, что он делает. Было холодно, и меня уже начало знобить. Ну и хорошо. Я свернулась в тугой клубочек, засунув мордочку в живо-

тик, и постаралась отгородиться от всего. Кажется, я задремала, и меня разбудил шорох. Было тепло, и бок, которым я касалась печи, начал уже раскаляться.

– Я налил тебе молока. – сказал он, пододвигая как можно ближе ко входу в мое убежище миску с молоком.

Я не шелохнулась и только посмотрела на него из темноты. Он уже разделся и был в одних брюках и рубахе. Без тулупа он оказался тощим, рубаха висела на нем и была явно с чужого плеча. Черные, неаккуратно обстриженные волосы свисали до плеч. Определить, сколько ему лет, было очень сложно. Волосы без седины, значит, еще молод. Но имеет вид старика, и это сбивало с толку. Но я не буду об этом думать, меня это не касается, и, отвернувшись, снова погрузилась в рваный сон. Сквозь него я слышала его шаги и мерный шум. Потом все затихло. Он лег спать.

Ночью я резко проснулась от каких-то громких звуков. Мне казалось, что кричат мне прямо в ухо. Затем звук перешел в громкие стоны, которые перемежались с хрипами. Стало жутко, и в полной темноте я осторожно выбралась из своего укрытия и взглянула на топчан, на котором спал мужчина. Он метался во сне, стонал и хрипел. Его голова металась из стороны в сторону, а кулаки сжимались и разжимались. Было темно, но я видела, как ходят его глаза под закрытыми веками. Ему явно снился кошмар. Я замерла, не зная, что делать. Минуты текли, а я так и стояла, замерев, наблюдая, как мечется мужчина. Вдруг он резко сел, вцепившись руками в волосы, и стал раскачиваться из стороны в сторону, как будто у него болела голова. Одеядло сползло, и при тусклом свете домашних свечечков в банке я увидела, что верхнюю часть его тела покрывают старые шрамы. Они были повсюду. Разной формы и разной длины. А между ними, там, где еще оставалась нетронутая кожа, зияли язвы. Они покрывали грудь, руки, спускались к животу. Зрелище было не из приятных, но я не могла отвести взгляд. Если сначала мне показалось, что он тощий, то теперь я явно видела, что он весь состоит из мышц, сухих, жилистых. В темноте он мог показаться даже красивым, но мое острое зрение не позволяло мне обмануться. Как же портили его тело эти язвы! Даже затянувшиеся шрамы смотрелись не так отвратительно, как эти мерзкие наросты. Интересно, что с ним случилось?

Тем временем он спустил ноги с топчана, а я только сейчас поняла, что сижу и рассматриваю полуголого мужчину. За свои двадцать лет, семнадцать из которых я прожила в деревне, где мужчины часто снимали рубахи при работе в поле, я не в первый раз видела полураздетого мужчину. Но почему-то сейчас стало неудобно. А он тем временем встал и прошел к полкам, где стояли различные мешочки и горшки. Вытащив котелок с теплой водой из печи, он заварил себе что-то в глиняной кружке. До меня донесся тяжелый запах сон-травы. Очень сильная травка, и принимать ее нужно с большой осторожностью и нечасто. Она обладает сильным успокоительным и снотворным действием, но вызывает привыкание. А если привыкание уже произошло, то она, наоборот, начинает бодрить и вызывает неконтролируемые вспышки ярости.

В целебных травах, ягодах, грибах я очень хорошо разбиралась. Всю жизнь прожила в деревне с бабушкой, которая, наверное, и по сей день является лучшей травницей в округе. К ней за снабдьями приезжали из всех соседних деревень. На это и жили, когда отца убили на войне, а мать скончалась при родах младшей дочери. Бабушка обучала нас с сестрой, стараясь передать все свои знания, боясь, что уйдет в мир иной, а мы останемся совсем одни, без возможности прокормить себя.

Как они поживают? Жива ли еще бабушка? Что станет с сестрой, если ее не будет? Эти мысли приносили мне боль, и я старалась гнать их от себя. Ведь сначала я отчаянно пыталась вернуться в деревню, думала, что просто буду жить с ними, моих жизней хватило бы на много лет. Но маг закинул меня в какой-то неизвестный город, и каждый раз, когда я умирала, возвращалась в него обратно. Я не знала, где нахожусь и в какую сторону идти. Но все же упорно шла, шла наугад, надеясь, что увижу хоть что-то знакомое, что подскажет мне, куда идти. Но мне

не везло, я умирала и снова оживала в городе. На восьмой жизни я прекратила эти попытки. Даже если бы я добралась до них, мне не хотелось умирать у них на глазах. Они уже оплакали меня и не заслужили пройти через это снова.

Погруженная в свои мысли, я сидела в темном уголке и даже успела забыть про мужчину. Он тем временем добрался до кровати и лег. Я слышала его прерывистое дыхание, оно было тяжелым и вырывалось с тихим хрипом. Мне было жаль его, но чем я могла ему помочь? Я кошка. Кошка, которая донашивает свою последнюю жизнь и уже готова с ней расстаться. Кинув последний грустный взгляд на тихо лежащего мужчину, я развернулась и, пошатываясь, пошла в свое убежище. Раны на боках снова начали кровить. Нужно бы их зализать, но я так не смогла пересилить себя и начать умываться, как делают это кошки. Поэтому никогда не вылизывалась, а мылась в ручейках или лужах, что почище. Пересиливать себя сейчас и зализывать раны совсем не хотелось. Пусть будет так. И, свернувшись в клубок, я заснула, прижимаясь спиной к теплой печке.

Весь следующий день я не выходила из своего укрытия. Хозяин избы что-то делал – слышались шаги и звуки обычного деревенского быта. Топилась печь, булькало в котелке. Иногда он подходил и заглядывал ко мне, сменил мне молоко в мисочке. Я не шевелилась и не поднимала голову – не было сил – и только взглядом следила за ним. Он ничего не говорил, не пытался меня достать, только смотрел на меня печальным взглядом своих серебристых глаз. Днем он ушел и вернулся поздно вечером, проверил, жива ли я и не убежала ли. Сменил мне молоко и лег спать. Я тоже спала. Силы покидали меня, и тело уже не слушалось.

Ночью меня снова разбудили стоны и тяжелое хриплое дыхание. Я лежала в темноте и думала о том, что, скорее всего, вскоре эта избушка опустеет, зарастет мхом и сгниет. Бревна уйдут в землю, крыша обрушится, и только печка еще некоторое время будет напоминать о том, что когда-то здесь жил человек, у которого были свои мысли, стремления, заботы. Вспомнит ли кто-нибудь о нем? Найдутся ли люди, которые предадут его тело земле после смерти? Я видела, как сильно он болен и болен уже давно, но не понимала, что это за болезнь. А может, их несколько, и они не связаны? Зачем я об этом думаю? Все равно не могу ему помочь. И я лежала, положив голову на передние лапы, и слушала его тяжелое дыхание.

Утром я все же проснулась, хотя втайне и надеялась, что уже не смогу этого сделать. Ну что ж, еще один день, хорошо, я и его перетерплю. Мужчина уже встал, и я слышала шорохи и постукивания. Он снова сменил мне молоко и посмотрел в глаза долгим взглядом. Потом неожиданно для меня сел на пол около моего убежища и, облокотившись на стену, откинул голову. Повернувшись ко мне, он посмотрел мне в глаза, и я увидела в них столько затаенной боли, что мое сердце болезненно сжалось. Что такого он увидел в моих глазах? А он вдруг заговорил тихим печальным голосом, который пробирал насквозь:

– Знаешь, Синеглазка, я столько раз видел этот взгляд и надеялся, что больше уже никогда его не увижу. Это взгляд смирения. Взгляд ожидания смерти. Десятки, сотни таких взглядов своих солдат я вижу по ночам. И каждый такой взгляд – это приговор. И даже там, где еще могла бы быть надежда на спасение, этот взгляд решает все. Когда я видел его, понимал, что это конец – еще один человек ушел навсегда. Такие не выживали. Они уже приняли смерть и ждали ее как избавления. Кто-то из них мог бы жить, если бы только захотел и немного постарался. Если бы только захотел, – его голос перешел в шепот, и он на некоторое время замолчал, прикрыв глаза, а затем снова посмотрел на меня и продолжил: – Я сам прошел через это. Пару лет назад, когда закончилась война, я пришел сюда умирать. Мой дом был разрушен, все родные погибли, мой магический дар был выжжен до дна. Я не успел восстановиться вовремя, и теперь все болезни липнут ко мне, как мухи к варенью. Но знаешь что, Синеглазка? Прожив тут наедине с собой почти год, я понял, что не готов так быстро сдаться. Не готов отдать себя сырой земле тогда, когда мои глаза еще видят гладь озера, в котором, как в зеркале, отражается голубое небо и кромка леса. Не готов, пока мои руки могут ощущать шершавую

кору дерева, под которой бежит жизнь. Не готов, пока мой язык может насладиться сочным вкусом перспелой земляники, что растет вдоль тропинки. Я просто оказался не готов к этому. Я хочу видеть, чувствовать жизнь. Всегда думал, что жизнь должна доставлять только счастье и удовольствие. А если этого нет, то это и не жизнь. Всю войну я не жил – долгие годы прошли, как в тумане. Столько боли и горя. Я думал, что это не жизнь, это просто не могло быть моей жизнью. Да, война закончилась, но она все еще осталась в каждом, кого она коснулась. Она поселилась глубоко внутри и шепчет, шепчет из своего угла, что она все еще здесь и чтобы ты не смел начинать жить. И только потом я понял, что жизнь – это не только тогда, когда тебе хорошо и ты счастлив, но и тогда, когда ты горишь в пламени боли, и тогда, когда твою душу разрывает отчаяние. Это все тоже жизнь, такая, как она есть, неприкрытая иллюзиями и неоправданными ожиданиями. И пусть я проживу недолго, но как бы плохо мне ни было, я постараюсь насладиться каждым вздохом, каждым мимолетным моментом счастья. Я не позволю этим чувствам затеряться в пучине отчаяния и безнадеги. Это все мое. И я никому не должен отдавать все это раньше времени. Понимаешь?

И он улыбнулся мне открыто и счастливо. Жаль, что борода скрывает его лицо, наверное, у него красивая улыбка. Я смотрела на него и удивлялась. Как он смог прожить два года? Маги после выгорания, которое на войне случалось довольно часто, должны были проходить специальную процедуру восстановления, и тогда был шанс, что они смогут потом жить, как обычные люди. Для этого их отпаивали отваром очень редкого гриба, который так и прозвали “горелый гриб”, и оставляли на неделю в изоляции. Свой дар маг уже никогда не мог вернуть, но продолжил бы жить как обычный человек. Если же не пройти эту процедуру, то маг обычно умирал в течение полугода. Исключений практически не было. Они быстро заражались всеми болезнями, с какими соприкасались даже слегка, и болезни протекали очень тяжело, а лечебная магия на них не действовала. В мирное время редко встретишь такого невосстановленного бывшего мага, но в военное время их было полно. В пылу сражений на восстановление, как правило, не было ни времени, ни возможности. Поэтому магов на войне старались беречь, и сами они не бросались в центр сражения – чаще помогали издалека.

И я вспомнила, что уже видела такого мага. Наша деревня находится недалеко от основного тракта, и у нас часто останавливались отряды солдат, идущих в город или наоборот. Несколько лет назад привезли к нам одного такого мага. Его изолировали в пустой избе, и мы с бабушкой готовили отвар из «горелого» гриба, который мы с таким трудом добывали летом. Пришлось тогда отдать весь запас, но маг поправился.

А этот вот не восстанавливался, но уже два года живет и собирается пожить еще. Удивительно. Возможно, это потому, что он живет в изоляции? Наверное, что-то отразилось в моих глазах, потому что он хмыкнул в бороду и сказал:

– Все здесь хорошо, Синеглазка, за исключением того, что мне иногда кажется, что я схожу с ума от одиночества. Вот смотрю на тебя и думаю, что все ты слышишь и понимаешь. И мне так жаль, что ты готова умереть. Тебе было бы здесь хорошо, я бы позаботился о тебе, сколько смог, а когда пришло бы мое время, постарался пристроить к хорошим людям, – он замолчал, с грустью глядя на меня, а затем задумчиво продолжил: – Скоро наступит настоящая весна. Сойдет снег, все кругом оживет, и запахнет пряным запахом лес, потекут ручейки и расцветут первоцветы. Их цвет будет напоминать мне твои глаза, Синеглазка, и я буду стараться изо всех сил дожить до этого момента. А если повезет, то и дольше.

Он еще немного помолчал, а затем встал и ушел. А я лежала и думала о его словах. Они задели меня, заставили выглянуть из раковины моего отчаяния и осмотреться. Неужели я больше никогда не смогу насладиться чудом весны? Не смогу увидеть, как оживает природа, не смогу почувствовать аромат весны и вдохнуть его полной грудью? Почему? Почему я сама лишаю себя этого? Да, я устала и боюсь жить, боюсь верить, что когда-нибудь мне будет хорошо. Но ведь этот странный мужчина живет и даже пытается наслаждаться этим. Почему я

не могу? Если бы могла, я бы зарыдала в этот момент. Так хотелось почувствовать успокоение через пролитые слезы, но вместо этого я свернулась в тугой клубок и заснула.

Мне редко снились сны, особенно из той далекой жизни, когда я была человеком. Вздрогнув, я проснулась, но не спешила открывать глаза, наслаждаясь воспоминаниями о сне. Я старалась прожить его еще раз, чтобы запомнить и не потерять. Мне снился далекий день моего детства. Тогда мне было не более пяти лет, и мы с родителями устроили пикник на полянке в лесу. Была поздняя весна, деревья только пускали ярко-зеленые ароматные листочки, а нежная травка только-только пробивалась сквозь старую листву. Родители о чем-то разговаривали и смеялись. Папа нежно обнимал маму и гладил ее уже округлившийся живот. Сон был яркий, наполненный звуками и запахами леса. Даже сейчас с закрытыми глазами я снова их чувствовала. Как прекрасно! Но как бы ни было хорошо, я открыла глаза и снова вернулась в мою действительность. Я осужденная убийца, с неискупленным тяжелым грузом на душе, превращенная в кошку, доживающую свою девятую жизнь. Неужели я так и уйду с тяжелым сердцем, бесцельно просуществовав все дарованные мне жизни?

Мои мысли прервал кашель. Сначала несильный, но вскоре превратившийся в надрывный. Я слышала, как загремела посуда и зажурчала вода. Мужчина пытался пить, но кашель не прекращался, и было слышно, как он хрипит. Вскоре приступ прекратился и наступила тишина, нарушаемая только его тяжелым дыханием. Ему бы попить коры кустарника лапотника и корня оководника, чтобы унять кашель, а на ночь поджечь сухие веточки того же лапотника, чтобы подышать его дымом, и набить их в подушку. Но ведь он невосстановившийся маг, это все может и не помочь. Вот если бы сейчас была полноценная весна, я бы собрала цветы морянки и ... И тут я поняла, что думаю совсем как раньше, когда готовила травы для кого-то из деревни и чувствовала, что мои умения приносят пользу. Но как раньше уже никогда не будет, я уже никому не смогу помочь. Стало так горько и обидно. Обидно, что я так и уйду без искупления за тяжкий грех. Обидно, что у меня нет возможности помочь этому, наверное, неплохому человеку. Человеку, который первый за все мои кошачьи жизни протянул мне руку помощи. Человеку, который спас меня, пригрел и пообещал заботиться. Просто так. Потому что мог это сделать и сделал. Раньше я могла бы ему помочь, если не вылечиться, то хотя бы продлить его жизнь, за которую он так крепко держится и не хочет отпускать. Но как это сделать сейчас? Я кошка. Маленькое, хилое животное, и у меня лапки, в конце концов! Как мне кору срезать? Зубами грызть? А как сушить ее? У себя за печкой? Я задумалась. А почему бы и нет? Да, будет сложно, но ведь искупление и не должно даваться просто. И, подумав еще немного, я решила. Я сделаю все для того, чтобы помочь ему, и это будет моим успокоением. Взамен отобранной мной жизни я приложу все усилия, чтобы спасти другую.

От принятого решения даже закружилась голова, настолько оно дурманило и окрыляло. А в голове уже сами собой всплывали знания и умения, накопленные за всю мою недолгую жизнь. Я составляла план, что мне нужно сделать. В первую очередь, нужно не умереть и немного окрепнуть, чтобы я смогла выйти на улицу за нужными компонентами. И это было самое слабое звено в моем плане, так как силы уже покидали меня.

Собрав все свое желание выжить, я поползла к миске с молоком. Хочу жить? Значит, должна есть. Меня хватило совсем на чуть-чуть, но я смогла немного вылакать молока и без сил упала тут же у миски. Обратно уже не пойду.

Утром здесь меня и нашел хозяин дома. Он присел рядом со мной на корточки и легким касанием погладил меня по макушке. А я, помня о своем решении, снова попыталась дотянуться до молока, но не смогла встать. Тогда он подхватил меня на руки и, взяв миску с молоком, двинулся к лавке, по пути захватив кусок чистой ткани с полки. Он сел, поставив молоко на стол, и аккуратно уложил меня на колени. Смочил тряпицу в молоке и аккуратно выжал мне ее в рот, потом снова и снова, пока миска не опустела. Я безропотно принимала его помощь

и все больше укреплялась в принятом мною решении. А он держал меня на коленях и нежно поглаживал мне спинку, аккуратно перебирая пальцами шерсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.